

Информация

в связи с Вопросником для XVIII Конгресса Конференции европейских конституционных судов «Права человека и основные свободы: соотношение международных, наднациональных и национальных каталогов в XXI веке»

Настоящая информация подготовлена Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации в соответствии с Вопросником для XVIII Конгресса Конференции европейских конституционных судов (далее – Вопросник). Информация структурирована в соответствии с Вопросником. В ней использованы сокращения и аббревиатуры, аналогичные использованным в Вопроснике.

Представляемая информация не является официальной позицией Конституционного Суда Российской Федерации и не является для него обязательной.

I. ОБЩАЯ ЧАСТЬ – КАТАЛОГИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД

I.1. Международные каталоги прав человека (Конвенция, ВДПЧ и МПГПП)

1. Какое конституционное положение/характеристику/юридическую силу имеют международные договоры о защите прав человека в Вашей стране?

В российской правовой системе международным договорам отведена, наряду с Конституцией Российской Федерации (далее также – Конституция), первостепенная роль в сфере защиты прав человека и основных свобод.

В соответствии с Конституцией России (часть 1 статьи 1, статья 2, часть 1 статьи 17) права человека в Российской Федерации признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации, касающиеся прав и свобод человека и гражданина, обладают приоритетом в системе национального законодательства (часть 4 статьи 15 Конституции). При этом Конституция России занимает доминирующее положение в иерархии правовой системы страны, поэтому в случае коллизии между нормами международного договора и Конституцией, она в силу статьи 15 (часть 1) обладает безусловным верховенством.

Всеобщая декларация прав человека (далее – ВДПЧ) 1948 года¹, принятая в форме резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, имеет рекомендательный характер и сама по себе не является юридически обязывающим актом. В то же время положения ВДПЧ рассматриваются как отражающие основы международного обычного права и в этом качестве приобретают обязательную силу. Основные положения ВДПЧ отражены в Конституции Российской Федерации.

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года² и дополнительные протоколы к нему³ являются международными договорами и налагают на принявшие

¹ «Всеобщая декларация прав человека», Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. Источник публикации: «Российская газета», N 67, 05 апреля 1995 года, «Российская газета», 10 декабря 1998 года.

² «Международный пакт о гражданских и политических правах». Принят 16 декабря 1966 года Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН; ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18 сентября 1973 г. № 4812-VIII с заявлением. Данный документ вступил в силу, в том числе для СССР, с 23 марта 1976 года. Источники публикации: "Ведомости Верховного Совета СССР", 28 апреля 1976, N 17, ст. 291, "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 12, 1994.

³ «Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах ». Принят 16 декабря 1966 года Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. СССР присоединился

(ратифицировавшие) их государства определенные обязательства, в том числе обеспечение доступа граждан этих государств к надгосударственным судебным структурам.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод⁴ (далее – Конвенция) была ратифицирована Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ и вступила в силу для Российской Федерации 5 мая 1998 года (в день передачи ратификационной грамоты на хранение Генеральному секретарю Совета Европы согласно статье 59 этой Конвенции). На основании статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации Конвенция включена в национальную правовую систему в качестве международного договора, имеющего приоритет над внутренним законодательством. Исходя из этого, а также из положений Федерального закона о ратификации Конвенции, Российская Федерация признает обязательную юрисдикцию Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ, Европейский Суд) по вопросам толкования и применения Конвенции, в том числе обязательство выполнять итоговые решения Европейского Суда, вынесенные по делам, в которых Россия выступала одной из сторон. При этом в силу предписаний Конституции (статьи 15 и 17) конвенционные положения фактически действуют в качестве конституционно предусмотренного наднационального правозащитного механизма.

2. Каков механизм «вовлечения» международного договора в национальную правоприменительную практику?

Порядок подготовки, ратификации и действия международных договоров регулируется Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации».

Международные договоры Российской Федерации, предметом которых являются основные права и свободы человека и гражданина, подлежат обязательной ратификации. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации (нижняя палата парламента) принимает закон о ратификации международного договора и передает его на рассмотрение в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (верхнюю палату парламента). Принятый Федеральным Собранием Российской Федерации федеральный закон о ратификации международного договора Российской Федерации направляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президенту Российской Федерации для подписания и обнародования. На основании федерального закона о ратификации международного договора Российской Федерации Президентом Российской Федерации подписывается ратификационная грамота, которая скрепляется его печатью и подписью министра иностранных дел Российской Федерации.

Вступившие в силу для Российской Федерации международные договоры, решения о согласии на обязательность которых для Российской Федерации приняты в форме федерального закона, подлежат официальному опубликованию по представлению Министерства иностранных дел Российской Федерации в Собрании законодательства Российской Федерации.

Положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты.

к Факультативному протоколу с заявлением (Постановление ВС СССР от 5 июля 1991 года N 2304-1). Для Российской Федерации данный документ вступил в силу с 1 января 1992 года ("Бюллетень международных договоров", N 1, 1993).

⁴ «Конвенция о защите прав человека и основных свобод», заключена в г. Риме 4 ноября 1950 года, (с изм. от 13 мая 2004), вместе с «Протоколом N 1» (Подписан в г. Париже 20 марта 1952), «Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16 сентября 1963), «Протоколом N 7» (Подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984)). «Собрание законодательства РФ», 08 января 2001, N 2, ст. 163, «Бюллетень международных договоров», N 3, 2001.

Отмечается, что после распада Союза Советских Социалистических Республик в декабре 1991 года Российская Федерация полностью приняла на себя обязательства СССР⁵. Поэтому заключенные Советским Союзом действующие международные договоры являются частью правовой системы Российской Федерации, так как в отношении них Российская Федерация продолжает осуществлять международные права и обязательства СССР в качестве его государства-продолжателя. Соответствующие международные договоры СССР опубликованы в официальных изданиях Верховного Совета СССР, Совета Министров (Кабинета Министров) СССР.

Исходя из смысла частей 3 и 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, части 3 статьи 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» судами непосредственно могут применяться те вступившие в силу международные договоры, которые были официально опубликованы в Собрании законодательства Российской Федерации, в Бюллетене международных договоров, либо размещены на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) в порядке, установленном статьей 30 указанного Федерального закона.

Наряду с этим положения международных договоров с течением времени могут превращаться в инструмент конституционно-правового регулирования в результате деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. Так, Конституционный Суд *de facto* устранил оговорки, сделанные Россией при ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод, о временном сохранении внесудебного ареста, задержания и содержания под стражей согласно действовавшим в то время Уголовно-процессуальному кодексу РФ и Дисциплинарному уставу Вооруженных Сил РФ⁶. Законодатель исполнил соответствующие решения путем внесения изменений в указанные нормативные акты. В русле положений Протокола № 6 к Конвенции об отмене смертной казни (хотя соответствующий Протокол и не был ратифицирован Россией) и Протокола № 13 о безусловной отмене смертной казни (хотя этот Протокол Россией не был ни подписан, ни ратифицирован) Конституционный Суд принял решение⁷, которым подтвердил невозможность применения смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей.

В настоящее время российское процессуальное законодательство в качестве способа исполнения постановлений ЕСПЧ и тем самым «вовлечения» конвенционного механизма в российскую правовую систему предусматривает также возможность пересмотра судебных решений, в связи с которыми впоследствии вынесены постановления Европейского Суда, в которых установлены нарушения Конвенции российскими властями.

3. Можно ли в Вашей стране добиваться прямого применения международных каталогов прав человека? Если да, то опишите, пожалуйста, эту практику.

В российской правовой системе можно выделить два основных способа применения международных каталогов прав человека.

Первый способ – использование российскими судами норм, закрепленных в каталогах прав человека. Данный способ можно проиллюстрировать принятым Пленумом Верховного Суда Российской Федерации Постановлением от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей

---

⁵ Выдвинутая Российской Федерацией концепция государства-продолжателя, полностью принимающего на себя обязательства Союза Советских Социалистических Республик, была поддержана решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 21 декабря 1991 г. Президент Российской Федерации от 24 декабря 1991 г. направил Генеральному секретарю ООН обращение, в котором указал о продолжении Россией членства в ООН и других международных организациях системы ООН.

⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 марта 2002 года № 6-П.

⁷ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р

юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». В указанном постановлении Верховный Суд подчеркнул, что международные договоры, которые имеют прямое и непосредственное действие в правовой системе Российской Федерации, применимы всеми судами при разрешении гражданских, уголовных и административных дел, а именно:

- при рассмотрении гражданских дел, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем законом Российской Федерации, который регулирует отношения, ставшие предметом судебного рассмотрения;

- при рассмотрении гражданских и уголовных дел, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила судопроизводства, чем гражданским процессуальным или уголовно-процессуальным законом Российской Федерации.

Поскольку Российская Федерация является участником Конвенции о защите прав человека и основных свобод и признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней, названное постановление Пленума предусматривает, что применение судами Конвенции должно осуществляться с учетом практики ЕСПЧ во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Конституционный Суд Российской Федерации также широко использует нормы международного права в своей деятельности. В его решениях (постановлениях) содержатся ссылки на Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, Европейскую социальную хартию, конвенции Международной организации труда и др.

Второй способ применения международных каталогов прав человека – обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека. В случае если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты, каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека (часть 3 статьи 46 Конституции РФ). Исчерпанность всех внутригосударственных средств правовой защиты как условие для обращения в межгосударственные органы по защите прав и свобод означает, что жалоба может быть подана после отказа лицу во всех инстанциях судебной системы. При этом конституционное судопроизводство не относится к внутригосударственным средствам правовой защиты, использование которого является обязательным для такого обращения.

В качестве примера наднациональных (межгосударственных) органов, обращение в которые может служить основанием для применения международного каталога прав человека, можно привести Комитет по правам человека ООН, созданный в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 года. Комитет рассматривает индивидуальные жалобы лиц, утверждающих о нарушении государством какого-либо из прав, предусмотренных Пактом. Жалоба принимается к рассмотрению, если соответствующий вопрос не рассматривается другой процедурой международного разбирательства и данное лицо исчерпало все внутренние средства правовой защиты за исключением случаев, когда применение таких средств неоправданно затягивается. По результатам разрешения жалобы Комитет сообщает свое мнение по ней государству и соответствующему лицу. Такое мнение носит рекомендательный характер. Согласно статистическим данным, приведенным на официальном сайте Комитета, в 2016 году на его

рассмотрении находилось 50 дел по жалобам граждан РФ⁸, ожидающих решения, из них одно дело признано приемлемым. В 2017 году зарегистрировано 11 новых жалоб⁹, в 2018 – 19 жалоб¹⁰.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод обладает собственным механизмом, который включает обязательную юрисдикцию Европейского Суда и систематический надзор за исполнением постановлений ЕСПЧ со стороны Комитета министров Совета Европы. В силу пункта 1 статьи 46 Конвенции вступившие в силу постановления Европейского Суда в отношении Российской Федерации являются обязательными для всех органов государственной власти Российской Федерации, в том числе и для российских судов. Данное средство защиты является, по-видимому, наиболее востребованным среди других наднациональных механизмов защиты прав человека. Согласно статистическим данным, размещенным на сайте суда, по состоянию на 30 июня 2019 года на рассмотрении Суда находилось 13 000 жалоб против России¹¹. С момента ратификации Конвенции в 1998 году до 31 декабря 2018 года в отношении Российской Федерации Судом было вынесено 2501 постановление¹². В рамках их исполнения российскими властями предпринимаются меры индивидуального и общего характера, в том числе направленные на совершенствование собственной правовой системы.

I.II «Наднациональные каталоги прав человека (Хартия Европейского союза по правам человека)»

Российская Федерация не является участником Европейского Союза, соответственно, положения ХЕСПЧ не являются для нее обязательными, поэтому информация по данному пункту не приводится.

I.III Национальные каталоги прав человека

1. Является ли в Вашей стране каталог основных прав человека составной частью конституции? Если да, то в каком виде (особая конституционная хартия, определенная глава конституции, составная часть конституционного порядка/конституционного строя)? Какова его структура?

Каталог основных прав человека является составной частью Конституции Российской Федерации, а также конституций (уставов) субъектов Российской Федерации, поскольку вопросы защиты прав человека федеральной конституцией отнесены к предмету совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (пункт «б» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации).

В Конституции Российской Федерации указанный каталог представлен в виде отдельной главы 2 «Права и свободы человека и гражданина». В иных частях федеральной конституции (преамбула, и глава 3 «Федеративное устройство») соответствующий каталог отражен в виде принципов и основополагающих норм, определяющих значение, содержание и гарантии обеспечения основных прав и свобод. В частности, значение прав и свобод человека и гражданина закрепляется в преамбуле и статье 2 (глава 1 «Основы конституционного строя») Конституции

⁸ <https://www.ohchr.org/ru/hrbodies/ccpr/pages/ccprindex.aspx>

⁹ <https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/TableRegisteredCases.aspx>

¹⁰ <https://www.ohchr.org/ru/hrbodies/ccpr/pages/ccprindex.aspx>

¹¹ Графа «*Pending applications allocated to a judicial formation*» (жалобы, переданные на рассмотрение судебных составов ЕСПЧ) https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_pending_month_2019_BIL.pdf

¹² Графа «*Violations by Article and by State*» (нарушения, сгруппированные по статьям [Конвенции] и государствам). https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_violation_1959_2018_ENG.pdf

Российской Федерации; регулирование прав и свобод человека и гражданина отнесено к ведению Российской Федерации, а их защита к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (пункт «в» статьи 71 и пункт «б» части 1 статьи 72 – глава 3 «Федеративное устройство»); в этой же главе Конституции Российской Федерации определяется гарантирование Российской Федерацией прав коренных малочисленных народов (статья 69).

Положениям об основных правах человека Конституцией России придается особое значение. Конституцией закреплён приоритет основ конституционного строя, в том числе тех принципов, которыми определяются основные права и свободы (часть 2 статьи 16), исключается пересмотр основ конституционного строя и прав и свобод человека и гражданина (часть 1 статьи 16, статья 64 и часть 1 статьи 135), определяется приоритет основных прав человека и основ конституционного строя по отношению к международным договорам Российской Федерации (статья 79).

Структура каталога основных прав включает в себя принципы прав человека (статьи 17-19), каталог гражданских (личных) прав (статьи 20-29), каталог политических прав (статьи 30-33), каталог экономических прав (статьи 34-36), каталог социальных прав (статьи 37-43), каталог культурных прав (статья 44), каталог прав юридической защиты (статьи 45-56) и каталог гарантий осуществления прав (статьи 60-63).

2. Каков исторический контекст возникновения Вашего национального каталога прав человека? Является ли Ваше национальное регулирование продолжением иного (исторически предшествующего, иностранного) или является оригинальным?

Каталог основных прав человека, закреплённый в Конституции Российской Федерации, является результатом демократических преобразований, произошедших в конце 80-х – начале 90-х годов XX столетия и получивших отражение в таких основополагающих актах как Декларация прав и свобод человека и гражданина, утверждённая постановлением Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 года № 1920-1, и изменения в Конституцию РСФСР 1978 года, которые предшествовали принятию Конституции Российской Федерации 1993 года, вобравшей в себя основные достижения в области демократии и прав и свобод человека и гражданина в указанный период. Данный каталог основных прав человека качественно отличается от каталога прав, предусмотренных советскими конституциями. Соответственно, его можно считать для Российской Федерации оригинальным, отражающим результат борьбы демократических институтов и граждан за свои права.

3. Какие изменения произошли в Вашем каталоге прав человека во времени? Осуществляется ли его реформирование в настоящее время? Дополняется ли он новыми правами? Существует ли конституционная процедура, определяющая условия его изменения или дополнения?

С учётом основополагающего значения положений Конституции Российской Федерации текстуальные изменения в каталог прав и свобод человека и гражданина исключаются (часть 1 статьи 135). Вместе с тем федеральная Конституция ориентирует государство на постоянную оптимизацию обеспечения прав человека и, соответственно, повышение стандартов прав человека (части 1 и 2 статьи 55). Для повышения указанных стандартов государство обязано использовать как внутригосударственные средства правового регулирования и обеспечения прав человека (статьи 45, 46, пункт в статьи 71, пункт б части 1 статьи 72, статья 76, статьи 125 и 126), так и международно-правовые средства регулирования и защиты прав человека (часть 4 статьи 15, часть 1 статьи 17 и часть 3 статьи 46). При этом в случае конкуренции между внутригосударственными и международными стандартами права человека предпочтение отдаётся более высоким стандартам

(часть 4 статьи 15, часть 1 статьи 17 и часть 1 статьи 55)¹³. Вместе с тем истолкование международного договора Российской Федерации наднациональным органом не может расходиться с пониманием основных прав и свобод, предусмотренных Конституцией Российской Федерации¹⁴.

Предписания указанных конституционных положений обязывают государство эволюционно развивать стандарты прав человека в законодательстве и правоприменительной практике, используя эффективные механизмы защиты основных прав человека. Соответственно, с момента утверждения каталога основных прав человека в Конституции Российской Федерации 1993 года произошли существенные изменения в развитии стандартов прав человека. Основной вехой таких изменений можно считать присоединение в 1998 году Российской Федерации к Конвенции о защите прав и основных свобод с признанием юрисдикции и обязательности решений Европейского Суда по правам человека.

I.IV Взаимоотношение различных каталогов прав человека

1. Можете ли Вы привести примеры судебной практики Вашего суда, связанные с использованием (применением) какого-нибудь международного каталога?

Решения Конституционного Суда Российской Федерации содержат ссылки на различные каталоги прав человека. Среди многочисленных примеров соответствующих каталогов можно назвать Всеобщую декларацию прав человека¹⁵, Международный пакт о гражданских и политических правах¹⁶, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах¹⁷, конвенции Международной организации труда¹⁸, Женевские конвенции по гуманитарному праву¹⁹, Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод²⁰, Европейскую социальную хартию²¹, Конвенцию о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств²². Обращение к конкретному каталогу, закрепляющему те или иные группы прав, в каждом конкретном случае обусловлено спецификой рассматриваемого дела.

¹³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2000 года № 15-П

¹⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 года № 12-П

¹⁵ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2019 года № 17-П, от 11 февраля 2019 года № 9-П, от 16 ноября 2018 года № 43-П, от 12 ноября 2018 года № 40-П, от 25 октября 2018 года № 38-П, от 28 июня 2018 года № 26-П и др.

¹⁶ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2018 года № 43-П, от 9 ноября 2018 года № 39-П, от 23 июля 2018 года № 35-П, от 22 января 2018 года № 4-П, от 21 ноября 2017 года № 30-П, от 14 ноября 2017 года № 28-П и др.

¹⁷ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2019 года № 17-П, от 11 февраля 2019 года № 9-П, от 25 октября 2018 года № 38-П, от 28 июня 2018 года № 26-П, от 27 марта 2018 года № 13-П, от 7 декабря 2017 года № 38-П и др.

¹⁸ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2018 года № 41-П, от 25 октября 2018 года № 38-П, от 5 декабря 2017 года № 36-П, от 8 декабря 2015 года № 31-П, от 11 ноября 2014 года № 29-П, от 21 марта 2014 года № 7-П и др.

¹⁹ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2007 года № 8-П, от 31 июля 1995 года № 10-П.

²⁰ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2019 года № 4-П, от 11 января 2019 года № 2-П, от 9 ноября 2018 года № 39-П, от 23 июля 2018 года № 35-П, от 6 июля 2018 года № 29-П, от 29 мая 2018 года № 21-П и др.

²¹ Постановления Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2019 года № 17-П, от 25 октября 2018 года № 38-П, от 28 июня 2018 года № 26-П, от 27 марта 2018 года № 13-П, от 24 октября 2013 года № 22-П, от 6 декабря 2012 года № 31-П и др.

²² Постановления Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2018 года № 42-П, от 25 октября 2018 года № 38-П, от 10 июля 2017 года № 19-П, от 5 июля 2017 года № 18-П, от 13 апреля 2017 года № 11-П.

Так, оценивая конституционность положений трудового законодательства и законодательства о социальной защите, Конституционный Суд ссылается на международно-правовые акты, устанавливающие стандарты прав человека в соответствующей сфере. При этом наряду с универсальными и региональными международно-правовыми актами общего характера (ВДПЧ, Международным пактом о гражданских и политических правах, Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах, а также Конвенцией) при формировании правовых позиций в сфере труда и социальной защиты Конституционный Суд учитывает положения ряда иных документов Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений, прежде всего Международной организации труда (далее – МОТ), а также Совета Европы, в которых содержание базовых норм международного права конкретизируется применительно к отдельным категориям лиц или к определенным видам правоотношений. Например, ряд правовых позиций Конституционного Суда России сформулирован с опорой на положения Конвенции о правах ребенка²³, Конвенции о правах инвалидов²⁴, конвенций МОТ²⁵.

Давая оценку конституционности положений Трудового кодекса Российской Федерации, предоставляющих работнику право на денежную компенсацию за все неиспользованные отпуска при увольнении с работы (часть первая статьи 127) и устанавливающих срок обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора (часть первая статьи 392), Конституционный Суд в Постановлении от 25 октября 2018 года № 38-П сослался на статью 24 Всеобщей декларации прав человека, статью 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, статью 2 части II Европейской социальной хартии, а также пункты 1 и 3 статьи 3, статью 7, пункт 1 статьи 10 и статью 12 Конвенции МОТ № 132 «Об оплачиваемых отпусках».

Наличие у Конвенции о защите прав человека и основных свобод собственного правозащитного механизма, который включает обязательную юрисдикцию Европейского Суда, предполагает необходимость принимать во внимание его правовые позиции, содержащие толкование соответствующих положений Конвенции, применительно к рассмотрению аналогичных дел Конституционным Судом России.

Так, в Постановлении от 24 октября 2013 года № 22-П Конституционный Суд РФ, рассматривая вопрос о конституционности положений Федерального закона «О профессиональных союзах, правах и гарантиях их деятельности» применительно к праву профсоюза самостоятельно определять свою внутреннюю структуру, обратился к положениям ВДПЧ, Международного пакта о гражданских и политических правах, Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, а также Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которые предоставляют каждому право на создание профессиональных союзов и на вхождение в них для защиты своих интересов. Были приведены также правовые позиции ЕСПЧ, согласно которым право создавать профессиональные союзы и вступать в них, как оно определено пунктом 1 статьи 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, является одной из форм или специальным аспектом свободы объединения (постановления по делам «Национальный профсоюз бельгийской полиции (*National Union of Belgian Police*) против Бельгии», жалоба № 4464/70; «Шведский профсоюз машинистов (*Swedish Engine Drivers Union*) против Швеции», жалоба № 5614/72; «Янг, Джеймс и Вебстер (*Young, James and Webster*) против Соединенного Королевства», жалобы № 7601/76 и № 7806/77; «Даниленков и другие (*Danilenkov and Others*) против России», жалоба № 67336/01) а также, что способ воплощения свободы объединения в национальном законодательстве и ее практическое применение властями характеризуют состояние демократии в

²³ Постановления от 6 февраля 2009 года № 3-П, от 22 ноября 2011 года № 25-П, от 15 декабря 2011 года № 28-П, от 18 июля 2013 года № 19-П, от 15 октября 2013 года № 21-П, от 27 июня 2017 года № 17-П, от 13 декабря 2017 года № 40-П, от 27 марта 2018 года № 13-П и др.

²⁴ Постановления от 1 июля 2014 года № 20-П, от 27 июня 2017 года № 17-П, от 26 февраля 2018 года № 10-П

²⁵ Постановления от 15 марта 2005 года № 3-П, от 22 марта 2007 года № 4-П, от 9 июля 2009 года № 12-П и др.

данной стране (постановление по делу «Сидиропулос и другие (*Sidiropoulos and Others*) против Греции», жалоба № 26695/95).

Неоднократно Конституционный Суд Российской Федерации обращался к международно-правовым источникам (каталогам прав человека) при рассмотрении дел, касающихся правоотношений в сфере уголовного и уголовно-процессуального права.

Так, Постановлением от 2 февраля 1999 года № 3-П Конституционный Суд запретил применять смертную казнь в условиях, когда суд присяжных недоступен обвиняемым в совершении преступлений хотя бы в одном из регионов России, ибо право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей является, согласно российской Конституции, особой уголовно-процессуальной гарантией судебной защиты права каждого на жизнь, а все граждане равны перед законом и судом. Впоследствии в Определении о разьяснении данного Постановления Конституционный Суд констатировал существование длительного комплексного моратория, основанного на системе правовых источников: нормах действующей Конституции, международно-правовых обязательствах России и легитимировано сложившимся за длительный срок судебно-правовым обычаем. По сути, речь идет о формировании особого конституционно-правового режима, включающего устойчивые гарантии неприменения смертной казни. Более подробная информация о применении международно-правового каталога прав человека приведена ниже, в подразделе II.1 «Право на жизнь».

Впоследствии в Постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2010 года № 8-П по делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудаева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда и от 20 мая 2014 года № 16-П по делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Филимонова даны примеры отношения конституционного права граждан на рассмотрение уголовных дел судом с участием присяжных заседателей как права, принадлежащего к каталогу прав октроированных, к праву каждого на судебную защиту и законный суд – как входящего в каталог основных и неотчуждаемых конституционных прав.

Конституционный Суд, в частности, указал следующее: учитывая, что рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей в условиях сложившегося в Российской Федерации конституционно-правового режима, в рамках которого – с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, – происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, не является неперенным условием реализации обвиняемым *права на судебную защиту как основного и неотчуждаемого права*, гарантируемого Конституцией Российской Федерации, изменение федеральным законодателем – в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий – регулирования подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей само по себе не может рассматриваться как ограничивающее доступ к правосудию и затрагивающее существо *права на законный суд*, как оно определено Конституцией Российской Федерации.

Вместе с тем дискреция федерального законодателя в регулировании правоотношений, определяющих реализацию права на доступ к правосудию и права на законный суд, не является абсолютной и не освобождает его от обязанности принимать во внимание, что, по смыслу статей 20 (часть 2), 32 (часть 5), 47 (часть 2) и 123 (часть 4) Конституции Российской Федерации, судопроизводство с участием присяжных заседателей, в котором не профессиональный судья, а коллегия присяжных самостоятельно выносит решение по вопросу о виновности подсудимого, имеет особую конституционно-правовую значимость; соответственно, конкретизируя конституционные предписания о суде с участием присяжных заседателей как законном составе суда

по уголовным делам об определенных категориях преступлений и отказываясь от этой формы судопроизводства по тем конкретным составам преступлений, где она была предусмотрена, федеральный законодатель должен действовать не произвольным образом, а исходя из обусловленности дифференциации процессуальных форм судебной защиты обязанностью государства обеспечивать эффективность способов правовой защиты при соблюдении баланса конституционных ценностей, принципа правовой определенности и при безусловном гарантировании равенства перед законом и судом²⁶.

Конституционный Суд также нередко обращается к международным каталогам прав человека и практике международных судов при рассмотрении дел, связанных с защитой права собственности.

Например, в Постановлении от 22 июня 2017 года № 16-П по жалобе гражданина А.Н.Дубовца, из владения которого было истребовано жилое помещение, поступившее в собственность публично-правового образования как выморочное имущество, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что пренебрежение требованиями разумности и осмотрительности при контроле над выморочным имуществом со стороны собственника – публично-правового образования в лице компетентных органов не должно влиять на имущественные и неимущественные права граждан, в частности добросовестных приобретателей жилых помещений. При этом Конституционный Суд Российской Федерации, как и ЕСПЧ обратил внимание на значение института государственной регистрации прав на недвижимость: при разрешении соответствующих споров существенное значение следует придавать как факту государственной регистрации права собственности на данное жилое помещение за лицом, не имевшим права его отчуждать, так и оценке действий (бездействия) публичного собственника в лице уполномоченных органов, на которые возложена компетенция по оформлению выморочного имущества и распоряжению им; иное означало бы неправомерное ограничение и умаление права добросовестных приобретателей и тем самым – нарушение конституционных гарантий права собственности и права на жилище. При рассмотрении указанного дела Конституционным Судом были сделаны отсылки к истолкованию Европейским Судом положений статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, закрепляющим право на уважение частной собственности, в постановлениях по делам «Бейелер (*Beyeler*) против Италии» (жалоба № 33202/96), «Гладышева (*Gladysheva*) против России» (жалоба № 7097/10), «Кириллова (*Kirillova*) против России» (жалоба № 50775/13), «Аленцева (*Alentseva*) против России» (жалоба № 31788/06) и др.

В Постановлении от 17 января 2013 года № 1-П Конституционный Суд пришел к выводу о несоответствии Конституции Российской Федерации, в частности ее статье 35 (части 1–3), положения законодательства, которые, устанавливая значительный минимальный размер административного штрафа, не допускают назначение штрафа ниже этого предела и не позволяют, среди прочего, учесть имущественное положение правонарушителя. При этом Конституционный Суд сослался на выводы ЕСПЧ в постановлении по делу «Мамидакис (*Mamidakis*) против Греции» (жалоба № 35533/04), в котором была сформулирована позиция о том, что финансовое обязательство, вытекающее из уплаты штрафа, если оно возлагает чрезмерное бремя на заинтересованное лицо или оказывает значительное влияние на его финансовое состояние, может поставить под сомнение право собственности.

В целом, обоснование правовых позиций Конституционного Суда посредством подобной аргументации содействует "конституционализации" закрепленных международными обязательствами России каталогов прав, сближению их по правовым последствиям с актами конституционного значения.

Примеры использования в практике Конституционного Суда Российской Федерации

---

²⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2010 года № 8-П, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года № 1274-О.

международно-правовых каталогов прав человека (в том числе применительно к иным сферам правоотношений) также приведены ниже в разделе II «Особенная часть – специфика некоторых основных прав».

2. Рассматривал ли Ваш суд отношения/иерархию/конкуренцию каталогов прав человека с учетом предоставляемой ими степени защиты?

Главной нормативной предпосылкой, исключая конфликтно-конкурентное соприкосновение различных каталогов прав человека в плоскости национального правопорядка выступает, во-первых, конституционное закрепление международных обязательств в качестве интегральной части национальной правовой системы, превалирующей над внутренним законодательством, и во-вторых, конституционное признание основополагающей ценности прав и свобод человека наряду с необходимостью их гарантирования согласно общепризнанным принципам и нормам международного права.

Названными конституционными положениями *ipso facto* предполагается не только непротиворечивость международных обязательств основам публичного порядка, конституционного строя и т.д., но и их внутренняя целостность, в том числе гармония различных каталогов прав человека, обеспечиваемая схожестью их содержания (сущностная аналогичность при разнообразии дефиниций и классификаций), либо взаимодополняющим сочетанием содержания одного каталога содержанием другого.

Из отсутствия противоречий между конституционными и конвенционными каталогами прав человека следует отсутствие принципиальных расхождений между системами защиты конституционных прав, с одной стороны, и конвенционных прав, с другой стороны. Поэтому исполнение постановлений межгосударственных органов по правам человека является конституционной обязанностью публичных властей (при условии, что таковым исполнением не нарушаются фундаментальные основы конституционного правопорядка).

Исключающая конфликтно-конкурентное соприкосновение различных каталогов прав человека *презумпция непротиворечивости и целостности международных обязательств*, из которой исходит российская правоприменительная практика в целом, предотвращает их расхождение и в практике конституционно-судебной.

Поскольку международные обязательства, в том числе в области прав человека, признаются Конституцией Российской Федерации частью национальной правовой системы (причем приоритетной по отношению к внутреннему законодательству, кроме Конституции), постольку имплементация собственно конвенционных стандартов, содержащихся в конвенционных каталогах, не может противоречить конституционным установлениям. Тем самым из конституционных положений следует выполнение всех принятых международных обязательств в полном объеме. Отсюда же вытекает принципиальная неприемлемость такой интерпретации конституционного текста, которая бы допускала, во-первых, коллизионность различных каталогов прав, а, во-вторых, иерархическое их соотношение в целях устранения подобных коллизий.

Будучи включенными в национальную правовую систему, каталоги прав человека совокупно с внутренним законодательством формируют национальный правозащитный стандарт. Пусть и чрезвычайно редки, но, как показывает мировой опыт, не исключены ситуации, когда следование подходам, обозначенным впоследствии в решениях тех или иных конвенционных контрольных органов («межгосударственных органов по защите прав человека», в терминах российского законодательства), может быть чревато понижением предоставляемого национальным стандартом уровня защиты, в том числе если рассматривать его не применительно к правам только конкретного лица, ищущего защиту, а системе прав и свобод граждан, как это предполагает часть 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации, запрещающая нарушать права и свободы других лиц при

осуществлении своих прав.

Изложенные соображения нашли конкретное воплощение в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 года № 21-П. В названном решении Конституционный Суд указал, что реализация индивидуальных и общих мер, вытекающих из решения межгосударственных органов по правам человека, должна осуществляться в соответствии с имеющимися на этот счет в Конституции Российской Федерации предписаниями (часть 4 статьи 15), т. е. на началах, во-первых, признания такого решения составной частью национальной правовой системы и, во-вторых, безусловного приоритета норм Конституции над всеми остальными действующими в пределах этой системы источниками права.

Тогда, когда в решении межгосударственного органа конвенционные положения интерпретируются в противоречии с конституционными положениями, в том числе в их истолковании Конституционным Судом, оно утрачивает свойства исполнимости (полностью или частично) и не подлежит имплементации в рамках национального правопорядка.

Тем самым речь идет не о возможной констатации противоречия между тем или иным международным соглашением по правам человека – например, ЕКПЧ – и Конституцией, но о коллизии толкования конвенционного положения, которое дал действующий на основании такого соглашения контрольный межгосударственный орган, и конституционных положений.

При этом Конституционный Суд обратил особое внимание на то, что подобная коллизия представляет собой исключительный случай, а ее установление, санкционирующее полный или частичный отказ от исполнения решения межгосударственного органа, возможно лишь по итогам конституционно-судебного процесса. При этом устранение неопределенности в вопросе о соответствии конституционным положениям исполнения решения межгосударственного органа по правам человека возможно посредством толкования соответствующих положений, осуществляемого Конституционным Судом по запросу уполномоченных субъектов. Опираясь на приведенные правовые позиции, законодатель возложил на Конституционный Суд проверку конституционности подлежащих исполнению – в связи с вынесенным ЕСПЧ решением и получением соответствующего запроса федерального органа исполнительной власти, которым в сложившейся практике является Министерство юстиции – мер индивидуального и общего характера.

В описанном контексте «право на возражение» должно рассматриваться в плоскости диалога, который ведут межгосударственный орган по правам человека и создавшие его государства по вопросам толкования конвенционных норм, будучи также одной из форм контроля за соблюдением принципа субсидиарности, т. е. за должным осуществлением делегированных межгосударственному органу полномочий и недопущением осуществления их *ultra vires*, выходящего за пределы принятых при ратификации соответствующего соглашения обязательств (например, в результате все более расширяемой «автономизации» используемых понятий) и порождающего, наряду с другими рисками, коллизии между отдельными международными обязательствами государства.

Таким образом, усматривая в приверженности России конвенционным обязательствам, которое выражается в надлежащем осуществлении соответствующих международных обязательств, выполнение предписания, непосредственно закрепленного в конституционном тексте, Конституционный Суд в своих решениях исходит из принципиальной невозможности конфликта между различными каталогами прав, содержащихся в конвенциях, которыми закрепляются международные обязательства Российской Федерации, но допускает возникновение ситуации, когда конкретное решение межгосударственных органов по защите прав человека не может быть исполнено в соответствии с Конституцией Российской Федерации.

Полномочие Суда по запросу компетентных государственных органов определять, возможно ли исполнение того или иного постановления межгосударственного органа по защите прав

человека, а также указывать соответствующие Конституции России пути исполнения соответствующего постановления может быть использовано лишь в исключительных случаях, в качестве последнего средства, которое предусмотрено Основным законом, как своего рода его самозащита от наднационального толкования конвенционных норм, расходящегося с конституционными положениями. Практика его применения весьма ограничена, однако она свидетельствует о стремлении Конституционного Суда найти конституционно допустимый и правомерный компромисс при исполнении «проблемных» постановлений ЕСПЧ – то есть о стремлении к продолжению диалога.

Так, Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П определен соответствующий конституционным положениям порядок исполнения постановления Европейского Суда по правам человека по делу «Анчугов и Гладков (*Anchugov and Gladkov*) против России» (жалобы № 11157/04 и № 15162/05). В постановлении ЕСПЧ было признано нарушением статьи 3 «Право на свободные выборы» Протокола № 1 к ЕКПЧ наличие в российском законодательстве ограничения избирательного права лиц, осужденных по приговору суда. Такое решение ЕСПЧ прямо противоречит ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации, согласно которой не имеют права избирать и быть избранными граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда.

В своем Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что имела место определенная динамика в толковании сущности избирательных прав со стороны ЕСПЧ, который неоднократно указывал на «современное» понимание в «XXI веке». Однако Российская Федерация, как и Совет Европы, при подписании международных соглашений исходила из того толкования, по которому был существующий консенсус на момент введения обязательств в составную часть российской правовой системы: «Следовательно, через «эволютивное» толкование ст. 3 Протокола № 1 к ЕКПЧ конкретное содержание критериев «неавтоматизма», соразмерности и дифференцированности в правовых позициях Европейского Суда по правам человека на протяжении десятилетия претерпевало существенные изменения».

Конституционный Суд Российской Федерации признал невозможным исполнение постановления ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России» в части мер общего характера, предполагающих внесение изменений в российское законодательство (и тем самым изменение основанной на нем судебной практики), которые позволяли бы ограничивать в избирательных правах не всех осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы по приговору суда. Одновременно возможным и реализуемым в российском законодательстве и судебной практике признано исполнение этого постановления в части мер общего характера, обеспечивающих справедливость, соразмерность и дифференциацию применения ограничений избирательных прав. Кроме того, федеральному законодателю дана рекомендация оптимизировать систему уголовных наказаний, в том числе посредством перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний, хотя и связанные с принудительным ограничением свободы осужденных, но не влекущие ограничения их избирательных прав.

Таким образом, приведенный пример свидетельствует не о противоречиях между Конвенцией и российской Конституцией, а лишь о различной интерпретации судами положений, закрепляющих права и свободы.

После принятия постановления Европейского Суда по правам человека по делу «Хорошенко (*Khoroshenko*) против России» (жалоба № 41418/04), в котором признано непредоставление осужденным к пожизненному лишению свободы долгосрочных свиданий с близкими родственниками в течение первых 10 лет отбывания наказания нарушением со стороны Российской Федерации статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Конституционный Суд Российской Федерации вернулся к вопросу о конституционности положений части третьей статьи

125 и части третьей статьи 127 УИК Российской Федерации в Постановлении от 15 ноября 2016 года № 24-П.

Определяя возможные пути гармонизации подхода, используемого Европейским Судом по правам человека и российского законодательства, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что сложившийся в правоприменительной практике Европейского Суда по правам человека на основе современных тенденций социализации заключенных и гуманизации условий отбывания уголовного наказания подход не вступает в противоречие с российскими конституционными установлениями.

Конституционный Суд Российской Федерации признал положения пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 УИК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (часть 4), 17 (часть 1), 23 (часть 1) и 55 (часть 3) во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее интерпретации Европейским Судом по правам человека в той мере, в какой они исключают возможность предоставления длительных свиданий лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы, в течение первых 10 лет отбывания наказания.

Этот пример свидетельствует о сопоставимости интерпретации Европейским Судом по правам человека положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод и конституционных установлений о праве осужденных и членов их семей на частную жизнь.

3. Существует ли процедура определения конкретного каталога прав человека, если то или иное право защищено в нескольких каталогах?

Детализированная и регламентарно закрепленная процедура определения конкретного каталога прав человека, если то или иное право защищено в нескольких каталогах, отсутствует, однако аргументация, используемая Конституционным Судом, включает ссылки на самый широкий круг международных соглашений в области прав человека с участием России. Фактически наиболее часто происходит обращение к правозащитным конвенциям, заключенным под эгидой ООН, а также к Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Определение конкретного каталога прав, на основании которого лицо должно получить защиту, может быть осуществлено в рамках конституционного судопроизводства Конституционным Судом, а также иными судами на основании конституционных принципов верховенства Конституции, приоритета международных договоров над внутренним законодательством, гарантированности прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (части 1 и 4 статьи 15, часть 1 статьи 17 Конституции Российской Федерации). Конституционным Судом, в частности, применительно к праву на местное самоуправление была высказана позиция, что если Конституцией и федеральным законом установлен более высокий уровень гарантий права, то он имеет приоритет перед международным договором, которым установлен минимальный уровень гарантий соответствующего права.²⁷

---

²⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2000 года № 15-П.

II. ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ – СПЕЦИФИКА НЕКОТОРЫХ ОСНОВНЫХ ПРАВ

II.1 Право на жизнь

1. Каков оригинальный текст положения, защищающего данное право, в Вашем национальном каталоге?

Статья 20 (часть 1) Конституции Российской Федерации:
«Каждый имеет право на жизнь».

2. Может ли это право быть ограничено? Если да, то каким образом и при каких условиях?

Статья 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации:
«Смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей».

3. Рассматривал ли Ваш суд данное право/его толкование/закрепление более подробно? Если да, пожалуйста укажите практические подробности и укажите, какие каталоги прав человека применялись.

В Постановлении от 2 февраля 1999 года № 3-П Конституционный Суд Российской Федерации, исходя – в рамках предмета рассмотрения по делу – из необходимости обеспечения гражданам равного права на рассмотрение их дел судом с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации, пришел к выводу, что с момента вступления в силу данного Постановления и до введения в действие соответствующего федерального закона, обеспечивающего на всей территории Российской Федерации каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом в качестве исключительной меры наказания установлена смертная казнь, право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, наказание в виде смертной казни назначаться не может независимо от того, рассматривается ли дело судом с участием присяжных заседателей, коллегией в составе трех профессиональных судей или судом в составе судьи и двух народных заседателей (пункт 5 резолютивной части).

В указанном Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации запрет на применение смертной казни был мотивирован процессуально: а именно, отсутствием суда с участием присяжных заседателей хотя бы на некоторой части российской территории. Однако с течением времени юридический потенциал такого обоснования был полностью исчерпан, поскольку процесс создания таких судов на всей территории Российской Федерации был завершен к 1 января 2010 года.

В этой связи в Конституционный Суд обратился с ходатайством об официальном разъяснении положения Постановления от 2 февраля 1999 года о моратории на смертную казнь Верховный Суд Российской Федерации. Он мотивировал свое обращение тем, что после введения суда с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации у судей могли возникнуть вопросы относительно возможности назначения наказания в виде смертной казни. Иначе говоря, возникла проблема: сохраняется ли с 1 января 2010 года сформулированный в Постановлении

Конституционного Суда Российской Федерации запрет на назначение и исполнение высшей меры наказания.

Разъясняя порядок исполнения Постановления от 2 февраля 1999 года № 3-П по ходатайству Верховного Суда Российской Федерации в контексте тенденций в решении вопроса о смертной казни, связанных с международными обязательствами Российской Федерации в отношении моратория на ее применение, Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р указал, что в Российской Федерации в результате продолжительного по времени действия моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни и сложился легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни как исключительной меры наказания, носящей временный характер («впредь до ее отмены») и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода, т.е. на реализацию цели, закрепленной статьей 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации; в связи с этим исполнение данного Постановления в части, касающейся введения суда с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации, не открывает возможность применения смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей.

Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что Российская Федерация связана требованием статьи 18 Венской конвенции о праве международных договоров не предпринимать действий, которые лишили бы подписанный, но не ратифицированный ею Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод его объекта и цели; выполнение этого обязательства возлагается на государство в целом и может быть реализовано в любой форме, основанной на принципах разделения властей, согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти.

Неназначение наказания в виде смертной казни, так и его неисполнение в равной мере соответствуют требованиям статьи 18 Венской конвенции о праве международных договоров. Таким образом, обязательства Российской Федерации после подписания Протокола № 6 обеспечивались сначала заменой смертной казни в порядке помилования, осуществляемого Президентом Российской Федерации (статья 89, пункт «в», Конституции Российской Федерации), другим наказанием, не связанным с лишением жизни, а затем – в соответствии с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П, установившим запрет на назначение наказания в виде смертной казни, – и ее неназначением в качестве наказания.

4. Отличается ли судебная практика Вашего суда от судебной практики международных судов, когда речь идет о защите данного права?

Практика Конституционного Суда Российской Федерации по защите права на жизнь по существу не отличается от практики международных судов.

II. II Свобода выражения мнения

1. Каков оригинальный текст положения, защищающего данное право, в Вашем национальном каталоге?

Статья 29 (части 1 и 3) Конституции Российской Федерации:

«Каждому гарантируется свобода мысли и слова.

Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них».

2. Может ли это право быть ограничено? Если да, то каким образом и при каких условиях?

Статья 29 (часть 2) Конституции Российской Федерации:

«Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства».

Данное право может быть ограничено федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации), а также в условиях чрезвычайного положения (статья 56 Конституции Российской Федерации).

3. Рассматривал ли Ваш суд данное право/его толкование/закрепление более подробно? Если да, пожалуйста укажите, практические подробности и укажите, какие каталоги прав человека применялись.

По вопросу о запрете государственным служащим публичных высказываний, суждений и оценок, в том числе в средствах массовой информации, в отношении деятельности государственных органов, их руководителей, включая решения вышестоящего государственного органа либо государственного органа, в котором указанные государственные служащие замещают должности, если это не входит в их обязанности, связанные с прохождением службы Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 30 июня 2011 года № 11-П отметил следующее:

- свобода мысли и слова означает, что никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них и каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом;

- свобода слова – не только гарантированная государством возможность беспрепятственно выражать посредством устного или печатного слова свои суждения по самым разным вопросам, но и условие эффективности общественного контроля за действиями публичной власти;

- конституционное требование о недопустимости принуждения к отказу от своих мнений и убеждений адресовано государственным органам, органам местного самоуправления, политическим партиям, другим общественным объединениям, их должностным лицам, всем членам общества;

- Конституция Российской Федерации не устанавливает для свободы слова какие-либо идеологические рамки, а реально гарантированная свобода выражения разнообразных взглядов, мнений, убеждений, свобода критики, оппозиции являются конкретным показателем демократизма общества.

В указанном деле Конституционный Суд Российской Федерации опирался на каталог прав человека, закрепленный в Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

4. Отличается ли судебная практика Вашего суда от судебной практики международных судов, когда речь идет о защите данного права?

Практика Конституционного Суда Российской Федерации по защите права на свободу выражения мнения принципиально не отличается от судебной практики международных судов. Вместе с тем отличительные особенности между этими практиками могут проявляться при рассмотрении отдельных аспектов данного права. В частности, Конституционный Суд Российской Федерации в отличие от Европейского Суда и Комитета ООН по правам человека признает

допустимым ограничением данного права путем запрещения популяризации среди несовершеннолетних и навязывания им нетрадиционных сексуальных отношений (Постановление от 23 сентября 2014 года № 24-П). Вместе с тем в данном решении Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что Конституция Российской Федерации не дает оснований для установления запрета на ведение общественных дискуссий о сексуальных отношениях, включая нетрадиционные, и об обеспечении прав, свобод и законных интересов сексуальных меньшинств, притом что оскорбляющая общественную нравственность форма подачи информации, касающейся сферы сексуальных отношений, недопустима применительно к сексуальным установкам как большинства членов общества, так и тех его членов, которые придерживаются нетрадиционных предпочтений; не должно служить препятствием для ведения подобных дискуссий и то обстоятельство, что сама по себе приверженность нетрадиционным сексуальным установкам для многих может выглядеть оскорбительной с точки зрения принятых в российском обществе норм морали или иным образом посягающей на общественную нравственность и связанные с этим права, свободы и законные интересы других лиц, поскольку в Российской Федерации в качестве важного элемента ее конституционно-правовой характеристики как правового демократического государства предполагается возможность свободного отображения в общественном дискурсе и в информационном поле различных взглядов и суждений.

II. III. Право на частную жизнь/Уважение частной жизни

1. Каков оригинальный текст положения, защищающего данное право, в Вашем национальном каталоге?

Статья 23 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации:

«Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени.

Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения».

Статья 24 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации:

«Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются.

Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом».

2. Может ли это право быть ограничено? Если да, то каким образом и при каких условиях?

Согласно части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации право на неприкосновенность частной жизни может быть ограничено федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. При этом согласно части 2 статьи 23 Конституции Российской Федерации ограничение этого права допускается только на основании судебного решения. В то же время право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени не могут быть ограничены в условиях чрезвычайного положения (часть 3 статьи 56 Конституции Российской Федерации).

В сфере уголовной юстиции приведенные конституционные положения конкретизируются, в частности, в статье 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в которой установлено, что ограничение права гражданина на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений допускается только на основании судебного решения (часть 1); наложение ареста на почтовые и телеграфные отправления и их выемка в учреждениях связи, контроль и запись телефонных и иных переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами могут производиться только на основании судебного решения (часть 2). Аналогичное условие в виде обязательности предварительного судебного решения предусмотрено и в статье 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» для проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища.

3. Рассматривал ли Ваш суд данное право/его толкование/закрепление более подробно? Если да, пожалуйста укажите, практические подробности и укажите, какие каталоги прав человека применялись.

Конституционный Суд Российской Федерации вынес около 20 постановлений, в которых затрагивались вопросы обеспечения конституционного права на неприкосновенность частной жизни, из них 3 постановления по оценке конституционности норм уголовно-процессуального законодательства²⁸, одно – уголовного закона²⁹, одно – Закона Российской Федерации «О государственной тайне»³⁰, одно – Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»³¹, одно – Уголовно-исполнительного кодекса³².

Определяя понятие и содержание частной жизни Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал следующие правовые позиции:

- под частной жизнью понимается гарантируемая Конституцией Российской Федерации и защищаемая федеральным законом от чьего бы то ни было произвольного вмешательства сфера индивидуальной автономии личности в ее взаимоотношениях с государством, его органами и должностными лицами, а также с обществом и другими людьми³³;

- право на неприкосновенность частной жизни распространяется на ту область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только этого лица и, если его действия носят непротивоправный характер, не подлежит контролю со стороны общества и государства³⁴;

- право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера³⁵;

- из конституционных гарантий неприкосновенности частной жизни, личной тайны и недопустимости распространения информации о частной жизни лица без его согласия вытекают как

²⁸ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 года № 33-П, от 14 июля 2011 года № 16-П, от 23 марта 1999 года № 5-П.

²⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2011 года № 3-П.

³⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2012 года № 14-П.

³¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2011 года № 12-П.

³² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 года № 24-П.

³³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2003 года № 8-П.

³⁴ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2015 года № 15-П, от 17 декабря 2015 года № 33-П.

³⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года № 1253-О.

право каждого на сохранение в тайне сведений о его банковских счетах и банковских вкладах и иных сведений, виды и объем которых устанавливаются законом, так и соответствующая обязанность банков, иных кредитных организаций хранить банковскую тайну, а также обязанность государства обеспечивать это право в законодательстве и правоприменении³⁶.

Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну по признанию Конституционного Суда Российской Федерации затрагивается цензурой переписки подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, со своими адвокатами. В посвященном этому вопросу Постановлении от 29 ноября 2010 года № 20-П указано, что такая цензура возможна лишь в тех случаях, когда у администрации следственного изолятора есть достаточные и разумные основания предполагать наличие в переписке недозволенных вложений либо имеется обоснованное подозрение в том, что адвокат злоупотребляет своей привилегией на адвокатскую тайну, что такая переписка ставит под угрозу безопасность следственного изолятора или носит какой-либо иной противоправный характер. При принятии этого решения были применены каталоги прав человека Международного пакта о гражданских и политических правах и Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также правовые позиции Европейского Суда.

Признавая право на неприкосновенность частной и семейной жизни за лицами, которые лишены свободы в установленном законом порядке, Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 7 февраля 2013 года № 133-О указал, что соблюдение законных интересов задержанных, заключенных под стражу или осужденных к лишению свободы по приговору суда предполагает, в частности, что они не могут быть полностью исключены из сферы общения людей, находящихся с ними в родственных, отношениях. Развивая эту позицию, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 15 ноября 2016 года № 24-П признал нарушенным право на неприкосновенность частной и семейной жизни лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, которым отказывалось в предоставлении длительных свиданий в течение первых 10 лет отбывания наказания.

С позиций обеспечения права на неприкосновенность частной жизни Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 17 декабря 2015 года № 33-П рассмотрел вопрос о проведении обыска в помещениях, используемых адвокатом для осуществления адвокатской деятельности, в рамках уголовного дела, в котором подозреваемым, обвиняемым является доверитель адвоката. В этом Постановлении подчеркивалось, что конституционные положения и корреспондирующие им нормы международного права, исключая возможность произвольного вмешательства в сферу индивидуальной автономии личности, обязывают государство обеспечивать в законодательстве и правоприменении такие условия для реализации гражданами права на квалифицированную юридическую помощь и для эффективного осуществления адвокатами деятельности по ее оказанию, при наличии которых гражданин имеет возможность свободно сообщать адвокату сведения, которые он не сообщил бы другим лицам, а адвокату – возможность сохранить конфиденциальность полученной информации. При принятии этого решения были также применены каталоги прав человека Международного пакта о гражданских и политических правах и Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также правовые позиции Европейского Суда.

Применительно к отношениям, связанным с реализацией права каждого на тайну телефонных переговоров (статья 23, часть 2, Конституции Российской Федерации), Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал правовые позиции, согласно которым данное право по своему конституционно-правовому смыслу предполагает комплекс действий по защите информации, получаемой по каналам телефонной связи, независимо от времени поступления, степени полноты и содержания сведений, фиксируемых на отдельных этапах ее осуществления;

---

³⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2003 года № 8-П.

соответственно, информацией, составляющей охраняемую Конституцией Российской Федерации и действующими на территории Российской Федерации законами тайну телефонных переговоров, считаются любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи; для доступа к указанным сведениям необходимо получение судебного решения; отсутствие в федеральном законодательстве прямого указания на обязанность именно правообладателя интернет-сервиса, посредством которого осуществляется отправка и получение электронных сообщений, обеспечивать тайну связи не может рассматриваться как свидетельство отсутствия у него такой обязанности³⁷. При этом Конституционный Суд Российской Федерации обращался к каталогам прав, предусмотренных Международным пактом о гражданских и политических правах (подпункт "g" пункта 3 статьи 14 и статья 17) и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (статья 8).

Также вопрос об уважении частной жизни рассматривался применительно к вторжению СМИ в частную жизнь медийных персон. В Определении от 12 февраля 2019 года № 274-О Конституционный Суд Российской Федерации со ссылкой на положения международно-правовых договоров Российской Федерации, в том числе Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни (пункт 1 статьи 8); каждый имеет право свободно выражать свое мнение; это право включает свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ (пункт 1 статьи 10), указал, что судам при рассмотрении конкретных дел надлежит учитывать, что сведения о частной жизни, в особенности интимного характера, не могут признаваться общественно значимой информацией только потому, что они касаются публичного (широко известного в обществе) лица, включая представителей творческих профессий.

4. Отличается ли судебная практика Вашего суда от судебной практики международных судов, когда речь идет о защите данного права?

Практика Конституционного Суда Российской Федерации по защите права на неприкосновенность частной жизни по существу не отличается от практики международных судов.

II.IV Свобода вероисповедания

1. Каков оригинальный текст положения, защищающего данное право, в Вашем национальном каталоге?

Статья 28 Конституции Российской Федерации:

«Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними».

2. Может ли это право быть ограничено? Если да, то каким образом и при каких условиях?

---

³⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2017 года № 25-П; Определения от 2 октября 2003 года № 345-О и от 21 октября 2008 года № 528-О-О

Право человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания может быть ограничено федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения обороны страны и безопасности государства (часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации). При этом условия чрезвычайного положения не являются основанием для ограничения данного права (часть 3 статьи 56 Конституции Российской Федерации).

3. Рассматривал ли Ваш суд данное право/его толкование/закрепление более подробно? Если да, пожалуйста укажите, практические подробности и укажите, какие каталоги прав человека применялись.

В Постановлении от 5 декабря 2012 года № 30-П Конституционный Суд Российской Федерации отметил следующее:

- Конституция Российской Федерации провозглашает Российскую Федерацию светским государством, в котором никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от государства и равны между собой (статья 14), и – исходя из того, что религиозная свобода является одной из важнейших форм духовно-нравственного самоопределения личности и внутренним делом каждого, – гарантирует в качестве одного из основных личных (гражданских) прав свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними (статья 28);

- данное право не может ограничиваться исключительно пространством личной (частной) жизни, – получая свою реализацию во внешней сфере, в том числе в массовых коллективных формах, оно объективно приобретает и весьма существенное общественное значение, что обязывает Российскую Федерацию как правовое и социальное государство (статья 1, часть 1; статья 7, часть 1, Конституции Российской Федерации) обеспечивать, нейтрально и беспристрастно, исповедание различных религий, верований и убеждений в целях достижения гражданского мира и согласия, поддержания общественного порядка и религиозной терпимости в обществе, не допуская произвольного и неоправданного вмешательства в деятельность религиозных организаций и в то же время – учитывая светский характер российского государства – клерикализации государственных и общественных институтов;

- нормативный порядок реализации права на свободу совести и свободу вероисповедания требует соотнесения с порядком реализации иных конституционных прав, в том числе в социально-политической сфере, и обязывает как законодателя, так и правоприменителя, включая суд, обеспечивать разумный баланс интересов верующих и религиозных объединений, с одной стороны, и светских политических и государственных институтов – с другой, не посягая при этом на само существование данного права и не создавая препятствий для его реализации;

- свобода совести и вероисповедания, реализуемая в форме объединения последователей того или иного вероучения для проведения совместных молитв, религиозных обрядов и других мероприятий, неразрывно связана с другими правами и свободами, закрепленными Конституцией Российской Федерации, в частности ее статьями 27, 29, 30 и 31, прежде всего с правом на объединение, а также с правом на свободу собраний.

Данное право рассматривалось и в ряде других решений Конституционного Суда Российской Федерации, всего около 10.

При этом Конституционный Суд Российской Федерации обращался к каталогам прав, предусмотренных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (статья 9) и Международным пактом о гражданских и политических правах (статья 18).

4. Отличается ли судебная практика Вашего суда от судебной практики международных судов, когда речь идет о защите данного права?

Практика Конституционного Суда Российской Федерации по защите права на свободу вероисповедания по существу не отличается от практики международных судов.

II.V ЗАПРЕЩЕНИЕ ДИСКРИМИНАЦИИ

1. Каков оригинальный текст положения, защищающего данное право, в Вашем национальном каталоге?

Термин «дискриминация» используется в Конституции Российской Федерации лишь в части 3 статьи 37, устанавливающей, что каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы.

Вместе с тем, запрещение дискриминации может рассматриваться через конституционный принцип равенства. Согласно статье 19 Конституции Российской Федерации все равны перед законом и судом (часть 1); государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств; запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (часть 2); мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации (часть 3).

2. Может ли это право быть ограничено? Если да, то каким образом и при каких условиях?

Конституция Российской Федерации не содержит положений, позволяющих ограничить принцип равенства, допуская при этом лишь ограничение отдельных прав и свобод человека и гражданина федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3). Однако такие ограничения не могут быть дискриминационными.

3. Рассматривал ли Ваш суд данное право/его толкование/закрепление более подробно? Если да, пожалуйста, укажите, практические подробности и укажите, какие каталоги прав человека применялись.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно давал толкование принципу равенства перед законом и судом, отмечая его следующие аспекты: однородные по своей юридической природе отношения должны регулироваться одинаковым образом; соблюдение конституционного принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при

осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие ограничения в правах лиц, принадлежащих к одной категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях); любая дифференциация, приводящая к различиям в правах граждан в той или иной сфере правового регулирования, должна отвечать требованиям Конституции Российской Федерации, в соответствии с которыми такие различия допустимы, если они объективно оправданы, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а для достижения этих целей используются соразмерные правовые средства³⁸.

Применительно к запрещению дискриминации по гендерному и возрастному признаку в сфере уголовной юстиции данные общие аспекты принципа равенства конкретизировались в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, в частности следующим образом.

Разрешая вопрос о возможности рассмотрения судом присяжных уголовных дел в отношении женщин, Конституционный Суд Российской Федерации, указал, что принцип равенства гарантирует мужчинам и женщинам равные возможности для осуществления права на судебную защиту и, следовательно, права на рассмотрение их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей, - иное, а именно решение вопроса о предоставлении обвиняемым возможности рассмотрения их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей в зависимости от гендерного фактора (только женщинам или только мужчинам) приводило бы к нарушению конституционных гарантий права на судебную защиту³⁹. Отсутствие же в ряде случаев у женщин возможности рассмотрения их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей не имеет под собой каких-либо конституционно-правовых оснований и приводит к дискриминации лиц женского пола при реализации ими права на судебную защиту⁴⁰. При принятии указанных решений Конституционным Судом Российской Федерации учитывались Декларации о ликвидации дискриминации в отношении женщин, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 7 ноября 1967 года, Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 года.

Рассматривая вопрос о доступе к суду присяжных лиц пожилого возраста Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 16 марта 2017 года № 7-П пришел к выводу, что действующее правовое регулирование влечет лишенную каких-либо конституционно-правовых оснований невозможность рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовного дела в отношении мужчины, достигшего шестидесятипятилетнего возраста и обвиняемого в совершении убийства при отягчающих обстоятельствах, что приводит к его дискриминации как по возрастному, так и по гендерному признаку при осуществлении им права на судебную защиту. В данном Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации учитывал практику ЕСПЧ при толковании им Конвенции, отмечая, что, хотя нормы международного права также не содержат в качестве общепризнанного требование специальной процессуальной формы в отношении пожилых лиц, в отличие от производства по делам несовершеннолетних, однако возраст участника судопроизводства признан имеющим процессуальное значение, в частности, Европейским Судом по правам человека в постановлении по делу «Яблонская (*Jablonska*) против Польши» (жалоба № 60225/00).

В Постановлении от 20 мая 2014 года № 16-П Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что изъятие из подсудности суда с участием присяжных заседателей уголовных дел, по обвинению несовершеннолетних не может расцениваться как ухудшающее положение

---

³⁸ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2001 года № 8-П, от 3 июня 2004 года № 11-П, от 15 июня 2006 года № 6-П, от 16 июня 2006 года № 7-П, от 5 апреля 2007 года № 5-П, от 25 марта 2008 года № 6-П, от 26 февраля 2010 года № 4-П, от 10 ноября 2009 года № 17-П, от 14 июля 2011 года № 16-П, от 9 февраля 2012 года № 2-П и др.

³⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2016 года № 6-П.

⁴⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2017 года № 13-П.

несовершеннолетних и вводящее дискриминирующие их по сравнению с совершеннолетними лицами различия в обеспечении эффективной судебной защиты их конституционных прав. В данном Постановлении учитывались Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), утвержденные Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 года № 40/33.

Конституционным Судом Российской Федерации неоднократно рассматривался вопрос о неприменении пожизненного лишения свободы к женщинам, лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста. Такое законодательное ограничение в назначении пожизненного лишения свободы было признано не являющимся дискриминационным⁴¹.

Данный вывод аргументировался, в том числе практикой Европейского суда по правам человека при толковании им Конвенции. Так, в Постановлении от 16 марта 2017 года № 7-П Конституционный Суд Российской Федерации ссылаясь на постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 24 января 2017 года по делу «Хамтоху и Аксенчик (*Khamtokhu and Aksenchik*) против России» (жалобы № 60367/08 и № 961/11) в котором отмечалось, что российское законодательство, не предусматривающее назначение уголовного наказания в виде пожизненного лишения свободы мужчинам, достигшим шестидесятипятилетнего возраста, не нарушает Конвенцию о защите прав человека и основных свобод в части дискриминации по возрастному признаку.

Право на запрещение дискриминации также рассматривалось Конституционным Судом Российской Федерации в контексте осуществления избирательных прав. В частности, Конституционный Суд признавал положения регионального законодательства, устанавливающие такие дополнительные условия реализации гражданами пассивного избирательного права на выборах высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, как достижение кандидатом минимального и максимального возраста, а также продолжительность его проживания на территории субъекта, дискриминационными и противоречащими Конституции Российской Федерации⁴².

Бессрочный и недифференцированный запрет пассивного избирательного права в отношении граждан Российской Федерации, осужденных к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений, также был признан неконституционным, в том числе в связи с его несоответствием положениям Конституции Российской Федерации, закрепляющим запрет дискриминации⁴³.

Конституционный Суд Российской Федерации обращался и к вопросам толкования конституционного запрета избирать и быть избранными гражданам, содержащимся в местах лишения свободы по приговору суда (часть 3 статьи 32 Конституции Российской Федерации) и рекомендовал законодателю оптимизировать систему уголовных наказаний, в том числе посредством перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний, хотя и связанные с принудительным ограничением свободы осужденных, но не влекущие ограничения их избирательных прав⁴⁴.

В данных делах Конституционный Суд Российской Федерации обращался к каталогам прав, предусмотренных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (статья 3 Протокола № 1) и Международным пактом о гражданских и политических правах (статья 25).

⁴¹ определения Конституционного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 1428-О, от 20 февраля 2014 года № 376-О и от 29 сентября 2016 года № 1913-О и др.

⁴² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 апреля 1998 года № 12-П

⁴³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 года № 20-П

⁴⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 года № 12-П

Запрет дискриминации также неоднократно рассматривался Конституционным Судом в контексте обеспечения реализации и защиты прав человека в социально-трудовой сфере.

Опираясь на данный принцип, получивший свою конкретизацию, в частности, в Конвенции МОТ № 111 1958 года относительно дискриминации в области труда и занятий, Конституционный Суд сформулировал ряд правовых позиций применительно к правовой регламентации трудовых и служебных отношений. Так, ссылки на указанную Конвенцию МОТ приведены Конституционным Судом в системе аргументов, обуславливающих конституционную оценку допустимости увольнения со службы государственных служащих, проходящих службу в органах, осуществляющих правоохранительную деятельность, в связи с уголовным преследованием⁴⁵ или наличием выслуги, дающей право на пенсию⁴⁶.

Данная Конвенция МОТ была положена в основу правовых позиций Конституционного Суда о недопустимости возрастных ограничений для лиц, замещающих должности заведующих кафедрами в государственных и муниципальных высших учебных заведениях⁴⁷, а также о невозможности прекращения трудового договора с воспитателями дошкольных образовательных организаций, в связи с отсутствием среднего профессионального либо высшего образования, если они были приняты на работу до вступления в силу Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», успешно осуществляют профессиональную педагогическую деятельность и признаны аттестационной комиссией соответствующими занимаемой должности⁴⁸.

Уместно также привести примеры, когда Конституционный Суд, рассматривая вопросы о конституционности норм образовательного законодательства, касающихся тех или иных аспектов социальной защиты обучающихся и их родителей, выстраивал весьма развернутую систему аргументов, включающую положения ряда международно-правовых актов, причем как базовых каталогов прав человека, так и актов специального характера. В частности, наряду с положениями статей 7, 19, 38 и 43 Конституции Российской Федерации, гарантирующими общедоступность и бесплатность образования в сочетании с равенством прав граждан в этой сфере независимо от социально-экономических и иных различий между ними, в Постановлении от 15 мая 2006 года № 5-П Конституционный Суд сослался на статью 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, а также Конвенцию о борьбе с дискриминацией в области образования (принята Генеральной конференцией ЮНЕСКО 14 декабря 1960 года), а в Постановлении от 5 июля 2017 года № 18-П дополнил эту аргументацию указаниями на статью 26 Всеобщей декларации прав человека, статью 2 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, статью 28 Конвенции о правах ребенка.

Следует отметить, что в своей практике традиционно большое внимание Конституционный Суд уделяет вопросам защиты трудовых прав граждан, имеющих детей, а при рассмотрении таких дел приводит обоснование, базирующееся в том числе на правах, содержащихся в международных каталогах, включая Конвенцию МОТ 1981 года № 156 «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями». Ссылки на данную Конвенцию приведены Конституционным Судом при формировании в Постановлении от 6 февраля 2009 года № 3-П правовой позиции по вопросу социального обеспечения отца (или другого члена семьи), фактически осуществляющего уход за ребенком, не достигшим возраста полутора лет, в случае болезни матери, которой предоставлен отпуск по уходу за ребенком до достижения им указанного возраста, а также в Постановлении от 15 декабря 2011 года № 28-П, которым положения статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации были признаны не соответствующими Конституции в той мере, в какой, запрещая увольнение по

⁴⁵ Постановления от 21 марта 2014 года № 7-П, от 11 ноября 2014 года № 29-П, от 8 декабря 2015 года № 31-П.

⁴⁶ Постановление от 6 июля 1995 года № 7-П.

⁴⁷ Постановление от 27 декабря 1999 года № 19-П.

⁴⁸ Постановление от 14 ноября 2018 года № 41-П.

инициативе работодателя женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, и других лиц, воспитывающих детей указанного возраста без матери, они исключали возможность пользоваться этой гарантией отцу, являющемуся единственным кормильцем в многодетной семье, воспитывающей малолетних детей, в том числе ребенка в возрасте до трех лет, где мать в трудовых отношениях не состоит и занимается уходом за детьми.

Еще одну категорию населения, для которой гарантии защиты от дискриминации имеют принципиальное значение, составляют инвалиды, включая детей-инвалидов. Так, в постановлениях от 1 июля 2014 года № 20-П и от 27 июня 2017 года № 17-П Конституционный Суд указал, что право инвалидов на экономическое и социальное обеспечение и на удовлетворительный уровень жизни провозглашено в Декларации о правах инвалидов (принята Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1975 года). Наряду с этим в пункте 6 Стандартных правил обеспечения равных возможностей для инвалидов (приняты Генеральной Ассамблеей ООН 20 декабря 1993 года) подчеркивается право инвалидов на равные с другими гражданами возможности и на равное улучшение условий жизни в результате экономического и социального развития. Статья 28 ратифицированной Российской Федерацией Конвенции о правах инвалидов (принята Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 года) также признает за инвалидами право на достаточный жизненный уровень и социальную защиту. Во взаимосвязи с приведенными международно-правовыми нормами положения Конституции Российской Федерации возлагают на законодателя обязанность при установлении тех или иных мер социальной защиты, обусловленных инвалидностью, гарантировать всем гражданам, относящимся к данной категории, предоставление таких мер безотносительно к иным особенностям их правового статуса либо нюансам осуществления соответствующих прав. В вышеуказанных постановлениях Конституционный Суд поручил федеральному законодателю гарантировать гражданам из подразделений особого риска, ставшим инвалидами, право на возмещение вреда, причиненного здоровью в связи с радиационным воздействием, на равных условиях с другими гражданами из числа военнослужащих, получивших при исполнении обязанностей военной службы повреждение здоровья в связи с радиационным воздействием и вследствие этого признанных инвалидами, а также исключил возможность отказа в выплате законному представителю ребенка-инвалида, нуждающегося по медицинским показаниям в транспортном средстве, компенсации в размере 50 процентов от уплаченной страховой премии по договору обязательного страхования лишь на том основании, что владельцем транспортного средства, фактически используемого для обеспечения нужд ребенка-инвалида, является не сам ребенок-инвалид, а его законный представитель.

Уникальным случаем является Постановление Конституционного Суда от 23 мая 1995 года № 6-П, в котором за детьми, не достигшими возраста 16 лет и находившимися вместе с родителями в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении, по существу, было признано право на реабилитацию наравне с родителями. Конституционный Суд, в том числе на основе статьи 26 Международного Пакта о гражданских и политических правах, подчеркнул недопустимость дискриминации жертв политических репрессий по возрасту при предоставлении им мер социальной поддержки (компенсаций в связи с реабилитацией).

4. Отличается ли судебная практика Вашего суда от судебной практики международных судов, когда речь идет о защите данного права?

Практика Конституционного Суда Российской Федерации в сфере защиты от дискриминации по существу не отличается от практики международных судов.

II. VI ПРАВО НА ЛИЧНУЮ СВОБОДУ

1. Каков оригинальный текст положения, защищающего данное право, в Вашем национальном каталоге?

Статья 22 Конституции Российской Федерации:

«Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов».

2. Может ли это право быть ограничено? Если да, то каким образом и при каких условиях?

Право на свободу и личную неприкосновенность применительно к сфере уголовной юстиции может быть ограничено федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3 Конституции Российской Федерации).

Согласно статье 56 Конституции Российской Федерации в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия (часть 1); чрезвычайное положение на всей территории Российской Федерации и в ее отдельных местностях может вводиться при наличии обстоятельств и в порядке, установленных федеральным конституционным законом (часть 2).

3. Рассматривал ли Ваш суд данное право/его толкование/закрепление более подробно? Если да, пожалуйста укажите, практические подробности и укажите, какие каталоги прав человека применялись.

Конституционный Суд Российской Федерации по состоянию на 1 сентября 2019 года вынес 34 постановления, в которых затрагивались вопросы обеспечения конституционного права на свободу и личную неприкосновенность, из них 14 постановлений по оценке конституционности норм уголовно-процессуального законодательства, одно – норм уголовного законодательства⁴⁹, одно – норм уголовно-исполнительного законодательства⁵⁰, одно – по оценке Закона Республики Мордовия от 20 января 1996 года "О временных чрезвычайных мерах по борьбе с преступностью"⁵¹.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно обращался к толкованию права на личную свободу и указывал, что оно воплощает в себе наиболее значимое социальное благо, без которого немислимы достоинство и ценность человеческой жизни и демократическое правовое устройство общества и государства, а его уважение и судебная защита исключают возможность произвольного вмешательства в сферу индивидуальной автономии личности; это означает, что ограничение права на свободу и личную неприкосновенность допускается лишь на основе принципов правовой определенности и справедливости при соблюдении конституционных критериев необходимости и соразмерности, препятствующих невозможной утрате самого существа данного права, в равной степени гарантированного российским гражданам, иностранцам

⁴⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2001 года № 6-П.

⁵⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2003 года № 1-П.

⁵¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 1997 года № 11-П.

и лицам без гражданства и образующего, наряду с иными конституционными правами и свободами, основы правового статуса личности в Российской Федерации. При этом надлежащее обеспечение права каждого на свободу и личную неприкосновенность подразумевает эффективную защиту от задержания, ареста, заключения под стражу или лишения свободы в иных формах без предусмотренных законом оснований и сверх установленных временных пределов; любые принудительные меры, влекущие ограничения этого права, должны осуществляться только с соблюдением конституционных и конвенционных требований; до судебного решения граждане, включая иностранных граждан и лиц без гражданства, могут быть при необходимости подвергнуты задержанию или иному лишению свободы на срок не свыше 48 часов; судебное решение призвано гарантировать лицу защиту не только от произвольного продления срока задержания сверх 48 часов, но и от неправомерного задержания как такового посредством беспристрастной оценки законности и обоснованности его применения; задержание на неопределенный срок не может рассматриваться как допустимое ограничение права на свободу и личную неприкосновенность и, по сути, является умалением этого права.

При толковании данного права Конституционный Суд Российской Федерации обращался к каталогам прав, предусмотренных Всеобщей декларацией прав человека (статьи 3, 8 и 9), Международным пактом о гражданских и политических правах (статьи 2 и 9) и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (статья 5).

Например, в своем Постановлении от 14 марта 2002 года № 6-П Конституционный Суд России указал, что гарантии судебной защиты имеют особое значение для ситуаций, связанных с ограничением одного из основных прав человека – права на свободу и личную неприкосновенность, что признается, в частности, Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и Международным пактом о гражданских и политических правах. Согласно этим международно-правовым актам каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо незамедлительно доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону полномочие осуществлять судебную власть, и ему должно быть обеспечено право на судебное разбирательство в течение разумного срока или право на освобождение (пункт 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, пункт 3 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Конституционный Суд Российской Федерации во многих постановлениях использовал статью 22 Конституции Российской Федерации вместе со статьей 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод как общую нормативную основу регулирования ареста, задержания, заключения под стражу. Так, в постановлениях от 16 июня 2009 года № 9-П, от 31 января 2011 года № 1-П, от 22 марта 2018 года № 12-П и др. он указывал, что всякое ограничение права на свободу и личную неприкосновенность в связи с необходимостью изоляции лица от общества, применяемой в виде меры процессуального принуждения либо на основе норм материального права, должно обеспечиваться судебным контролем и другими правовыми гарантиями справедливости и соразмерности такого ограничения, исходя из его законодательно установленных пределов, притом что любые вводимые в отраслевом законодательстве меры, если они фактически влекут лишение свободы, должны отвечать критериям правомерности в контексте статьи 22 Конституции Российской Федерации и статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, составляющих нормативную основу регулирования ареста, задержания, заключения под стражу, которые, несмотря на их процессуальные различия, по сути есть лишение свободы.

Вытекающие из статей 22 и 55 Конституции Российской Федерации условия правомерности ограничения права на свободу и личную неприкосновенность Конституционный Суд Российской Федерации сопоставлял с практикой Европейского Суда по правам человека при толковании им Конвенции.

Например, в Постановлении от 16 июля 2015 года № 23-П отмечалось, что аналогичной Конституционному Суду Российской Федерации позиции придерживается и Европейский Суд по правам человека, по мнению которого правовая защита лица от произвольного вмешательства со стороны государства в его право на свободу, гарантированное статьей 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, предполагает соразмерность ограничения этого права, означающую обеспечение баланса между общественными интересами, которые могут потребовать предварительного заключения лица под стражу, и важностью права на свободу личности – с учетом презумпции невиновности; при установлении такого баланса важным фактором является продолжительность содержания под стражей, которая не должна превышать разумных пределов; при этом, хотя особая тяжесть преступлений может вызвать такую реакцию общества и социальные последствия, которые делают оправданным предварительное заключение лица по крайней мере в течение определенного времени, продление содержания под стражей на основе учета одной только тяжести преступления недопустимо, – необходим учет обстоятельств, оправдывающих его содержание под стражей (возможность давления на свидетелей, опасность, что это лицо скроется от правосудия, и др.), а также важность предмета разбирательства, сложность дела, поведение этого лица, мнение компетентных органов и др.

Констатация схожести (сущностного единства) позиций этих судов дается и в ряде других решений Конституционного Суда Российской Федерации. Так, в Постановлении от 22 марта 2005 года № 4-П прямо отмечено, что правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации коррелируют с выводами, сформулированными в решениях Европейского Суда: практика содержания лица под стражей без конкретного правового основания, а лишь по причине отсутствия четких правил, регулирующих положение содержащегося под стражей лица, в результате чего лицо может быть лишено свободы на неопределенный срок без судебного решения, несовместима с принципами правовой определенности и защиты от произвола; заключение под стражу на срок длительностью в несколько месяцев при отсутствии обосновывающего его постановления суда, в том числе на том единственном основании, что дело передано в суд, не может считаться "законным" в смысле § 1 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и само по себе противоречит принципу правовой определенности, являющемуся одним из основных элементов верховенства права.

Большое значение для практики Конституционного Суда Российской Федерации при защите права на свободу имеет Всеобщая декларация прав человека, которая провозглашает, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах (статья 1); принадлежащее каждому от рождения право на свободу и личную неприкосновенность относится к числу основных прав человека (Постановление Конституционного Суда от 22 марта 2005 года № 4-П), а также Международный пакт о гражданских и политических правах (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 14-П, от 4 марта 2003 года № 2-П, от 22 марта 2005 года № 4-П и др.). Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно воспроизводил свою позицию о том, что в ситуациях, связанных с ограничением права на свободу и личную неприкосновенность, особое значение приобретают гарантии судебной защиты, что признается и международно-правовыми актами, согласно которым каждому арестованному или задержанному по уголовному обвинению лицу должно быть обеспечено право на судебное разбирательство в течение разумного срока или право на освобождение (пункт 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, пункт 3 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах); ограничение свободы и личной неприкосновенности в течение значительного времени вне судебного контроля не допускается (Постановление от 14 марта 2002 года № 6-П).

Обращаясь к вопросам ограничения права на свободу душевнобольных в связи с совершением ими общественно-опасных деяний, Конституционный Суд Российской Федерации использовал

утвержденные Генеральной Ассамблеей ООН Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи (пункт 1 принципа 16 Резолюции ГА ООН от 17 декабря 1991 года № 46/119)⁵². С учетом этого принципа была выработана позиция о том, что ограничения права на свободу и личную неприкосновенность, закрепленные статьей 22 (часть 1) Конституции Российской Федерации, допустимы в случае наличия у лица психического расстройства, обуславливающего непосредственную опасность для него самого или для окружающих, о чем свидетельствует, в частности, совершение им общественно опасного деяния, содержащего совокупность объективных признаков преступления.

4. Отличается ли судебная практика Вашего суда от судебной практики международных судов, когда речь идет о защите данного права?

Практика Конституционного Суда Российской Федерации по защите права на свободу и личную неприкосновенность по существу не отличается от практики международных судов.

---

⁵² Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 мая 2013 года № 10-П и от 24 мая 2018 года № 20-П